

АБАЕВ В. И.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА — ХРАНИТЕЛИ ДРЕВНЕЙ ЛЕКСИКИ

Бывает так, что то или иное древнее слово выходит из самостоятельного употребления и исчезает из памяти народа, но сохраняется в сложных словах, где его удается распознать путем этимологического анализа.

Так, слав. *čelovekъ* в современном употреблении никем уже не осознается как составное из *čelo* «род, семья» (ср. русск. *челядь*, др.-инд. *kuḷat* «род, племя») и *věkъ* «дитя» (ср. литов. *vaikas* «дитя»), стало быть, *человек* = «дитя рода». Оба компонента относятся к древнейшему славянскому лексическому фонду, а все сложение ведет нас в далекие глубины родо-племенного строя. Ср. по образованию фракийские личные имена *Mukaporis*, *Mukakakes* = «дитя (*poris*, *kakes*) рода (*muka*)» [см. 1].

Русск. *господь* (праслав. *gospodъ*) в современном языковом сознании уже не разлагается на *гос-подь*, где в первой части скрывается слово *гость*, а во второй — и.-е. **poti-* «хозяин», а все вместе означает «хозяин в отношении гостя»; ср. этимологически и по значению лат. *hospes*, *hospitis*.

Нем. *Marschall* восходит к др.-в.-нем. *marah-scalc*, где *marah* — забытое в современном немецком слово со значением «лошадь», а *scalc* = нем. *Schalk*, в современном языке — «плут», в прошлом — «слуга». Стало быть, нынешнее высшее воинское звание в прошлом означало «конюший, конюх».

Английские *lord* и *lady* не производят сейчас впечатления сложных слов. Но они состоят, первое из *hlāf-weard* «хранитель (*weard*) хлеба (*hlāf*)», а второе из *hlāf-dige* «готовящая (*dige*) хлеб (*hlāf*)». Эти составляющие элементы вскрываются уже только этимологическим анализом.

Ниже приводятся некоторые подобные слова из осетинского языка.

*as | *asæ* «еда»¹

Распознается в *v̄bas* (**upa-āsa-*) «суп, бульон», *minas* (**maidna-āsa-*) «угощение», букв. «еда (*āsa-*) для гостя (*maidna-*)» и *margas* (**marka-āsa-*) «съестное, приносимое родственниками и знакомыми покойника на поминки», букв. «еда (*āsa*) по случаю смерти (*marka-*)». Ср. др.-инд. *-āśa-* «еда», *pratar-āśa-* «утренняя еда, завтрак», *sāyam-āśa-* «вечерняя еда, ужин», перс. *āš* «еда, суп».

**az-*, *axs-* «давать приют»

Распознается в дигор. *ast'onæ* (из *az-donæ*) «гнездо», ирон. *axston* (из *axs-don*) id. В дигорском существовал глагол *azun* «давать приют; лелеять», но он мало употребителен. Форма *axs-* — из **ag-s-*. Ср. перс. *āšyān* «гнездо» из **āxšādāna-* (как, скажем, *Sahryār* из **xšādra-dāra-*). Ср. также авест. *āxšti-*, перс. *āštī* «мир». Во второй части осетинских *ast'onæ*, *axston* — др.-иран. *dāna-*, др.-инд. *dhāna-* «вместилище», обычно во второй части сложных слов; ср. *xordon* «житница», *kærkdon* «курятник» и т. п. Забытое **axs-* «давать приют» скрывается еще в одном древнем слове: *siaxs* «зять». Это слово восстанавливается в *wisi-āxša «принятый (*āxša-*) в дом (*wisi*, локатив от *wis-*, «дом» как «совокупность домочадцев»)». Слово является наследием матриликального брака, когда не невеста принималась в дом жени-

¹ Вертикальная черта отделяет формы иронского диалекта (ирон.) от дигорских (дигор.). Ссылка «ИЭС» означает Историко-этимол. словарь осет. языка [см. 2].

ха, а жених в дом невесты. Стоит отметить, что др.-иран. *wis-* «поселение» (= русск. *весь*, др.-инд. *viś-*, лат. *vicus* и пр.) в осетинском оставило след только в слове *siazs* «зять».

*æf «вода»

Распознается в *æxsærzæn* «водопад» из *æf-særzæn (как *æxsærfars* «щека» из *æfsær-fars «бок челюсти»). *Æf восходит к индоиранскому *ap-* «вода», ср. др.-инд. *ap-*, авест. *ap-*, перс. *āb* и пр. В осет. вытеснено словом *dop* (из **dānu-*). Вторая часть слова *æx-særzæn* связана с др.-инд. *sarj-*, авест. *harz-* «изливать». До-иранское *s* (*sarj-*) после *f* (*x*) закономерно дало *š* (**ašsarjana-*), не перейдя в *h*. Стало быть, *æxsærzæn* (*æf-særzæn*) = «водоизлияние, водопад». Иран. *ap-* «вода» находим и в осет. *av-g* «стекло» (**āraka-*) и, может быть, в *æf-surǵ* «первый фильтр пива».

*ærin | ærinæ «локоть (мера длины)»

Распознается в ирон. *ælmærin* (из *ærm-ærin*) «локоть», дигор. *cængærinæ* (из *cong-ærinæ*). *Arm* и *cong* означают «рука». *Ærin* восходит закономерно к **arabni-*; ср. др.-инд. *aratni-*, авест. *arəθna-*, др.-перс. *arašni-*, гот. *aleina* «локоть» и пр.

*ællæg, см. ниже *xoymællæg*

*ævzæ «пчела»

Распознается в дигор. *ævzæǵod* из **wabza-gauda-* «покрышка (*gauda-*) для пчел (*wabza-*), внутренняя покрышка улья», а также в некоторых других терминах пчеловодства (ИЭС I 208 s. v. *ævz-*). Для второй части (*ǵod*) ср. *aǵud* | *aǵodæ* «футляр», согд. *ʾwʾd* «покрышка» от базы **gud-* «покрывать». Старое название пчелы *ævzæ (согд. *ʾwzʾak*, авест. *vawžaka-*, литов. *vapsà* «оса, пчела») вытеснено в осет. описательным *тудубунз* «медовая муха», возможно, по табуистическим мотивам.

¹*æx «нога»

Распознается в словах *sag-æx-tæ* «промежуток между ногами», дигор. *ængulz-æx-tæ* «танец на носках», *gænz-æx-tæ* в выражении *gænzæxtæ cæǵdun* «биться конечностями, агонизировать» (*-tæ* — показатель множественности). Элемент *sag* в *sagæxtæ* означало «развиллина» (др.-иран. **sāka-*); отсюда *sag* олень («развиллисторогий»). Сюда же *sagoj* «двупалые вилы», *saǵil* «раздвоенный», *sagǵom* «промежуток между пальцами». В *ængulz-æx-tæ* имеем в первой части живое слово *ængulz* «палец». В *gænz-æx-tæ* *gænz* следует, возможно, относить к скифо-славянским изоглоссам и сблизить со ст.-слав. *копьсь*, русск. *копеец*. Повторяющийся во всех трех словах элемент *æx* сближается с авест. *haxa-* «часть ноги, стопы». Осет. *æx* встречается и самостоятельно в значении «изгиб стопы». Стало быть, *sag-æx-tæ* означает «развиллина ног», *ængulz-æx-tæ* — «пальцы ног», *gænz-æx-tæ* — «концы ног». В самостоятельном употреблении имеем *kʼax* и, частично, *fad* «нога».

²*æx «крепление»

Распознается в *æx-kænu* «запирать» («делать крепким»), *æx-tong* «поддруга» («скрепляющий ремень», см. ниже *tong*), *æǵ-næg* (из *æx-næg*) «пуговица, застежка», *æx*, вероятно, из *ærx*. Ср. *ærxæg* «сустав» («место скрепления костей»), *arx* «сук» («место скрепления сука со стволом»), дигор. *ærxu* «плотно закрытый, запертый». В этом случае осет. *æx, *ærx сближается с лат. *arceo* «запирать», *arx* «крепость», *arca* «сундук», греч. „αρχος «защита» и пр.

***æx «хороший»**

Возводится к иран. *wahu- «хороший» с отпадением начального w-, как в Acyruhs жен. имя из Wacyruhs, Acamongæ название чудесной чаши в эпосе из Wacamongæ, *ævz- «пчела» из *wævz (см. выше). Распознается в æx-con | æx-cæwæp «приятный», букв. «хорошо (æx) идущий (cæwæp от cæwup „идти“); ср. по семантике русск. идти в смысле «быть к лицу». В осет. зæb-æx «хороший» имеем во второй части то же æx-. Что касается зæb, то оно идет, возможно, из тюрк. çap — слог, усиливающий значение прилагательных. Ср. по образованию арм. šat- lav «весьма хороший», где также первая часть заимствованная, а вторая — оригинальная. Наконец, старое *æx «хороший» можно усмотреть еще в дигор. æx-cul «привязанный к кому-л., любящий, радующийся кому-л.», если cul сопоставить с zil- в дигор. izulun «радоваться» и сакским tculye «splendid» [см. 3]. Живым самостоятельным словом в значении «хороший» является xorz, в первой части сложных слов xærz-.

***æx «состояние, отношение»**

Возводится к иран. ahu- «бытие, состояние» от ah- «быть», др.-инд. as-, и.е. *es-. Распознается в осет. xorzæx | xwarzænxæ «милость» («хорошее отношение»), fydæx | fudænxæ «нечестность» («дурное отношение»). В дигорском перед x возникает вторичный носовой согласный: -ænxæ. Совершенно такое же явление находим в авест.: ahu- «бытие» (вм. ahu-).

***dīw | dew «божество»**

Восходит к индоиранскому *daiwa-, и.е. *deiwo- «божество». Ср. др.-инд. deva- «божество», авест. daeva- «злой дух» и пр. Распознается в осет. æv-dīw | æv-dew «злой дух». Поскольку значение «злой дух» для *daiwa- связано с зороастризмом, а скифо-сарматские племена, как можно судить по античным сведениям об их религии, остались чужды зороастризму, мы вправе ожидать, что в осетинском сохранилось дозороастрийское значение «божество», а элемент æv- придавал позитивному *daiwa- негативное значение. Эти соображения позволяют возвести æv- в æv-dīw к приставке ara-, которая как раз в определенных случаях превращает позитивное в негативное; например, др.-инд. kāmā- «расположение, любовь» — ara-kāmā- «отвращение», греч. τιμάω «читать» — απο-τιμάω «презирать» и т. п. Стало бы, если dīw | dew в староосетинском означало («читимое) божество», то æv-dīw | æv-dew из *ara-daiwa- получило, естественно, полярное значение «злой дух»².

***dyǵd «дочь»**

Восходит к др.-иран. *duǵdar-; ср. авест. duǵdar-, dugədar-; др.-инд. duhitar-, перс. duxtar-, нем. Tochter и пр. Вытеснено заимствованным из тюрк. kызg | kызgæ. Распознается только в осет. ирон. xo-dyǵd «золовка». Первая часть xo в современном осетинском означает «сестра». Но из сочетания «сестра-дочь» трудно вывести значение «золовка». Да и вообще такое сочетание лишено какого бы то ни было разумного смысла. Иное дело, если допустить, что xodyǵd получилось из *xosdyǵd с выпадением s. Xos закономерно возводится к *hwasru- «свекровь»; ср. др.-инд. śvaśru-, перс. xusru «свекровь». Если так, то xodyǵd (из *xosdyǵd) будет означать «дочь свекрови», а это и есть «золовка».

***dyz- | duz- «дурной»**

В значении «дурной» в первой части сложных слов в современном осетинском языке употребляется fyd- | fud-, восходящий к *puta- «гнилой»: fyd-bon «дурной день», fyd-fyn «дурной сон» и т. п. Но в древнеиранском

² Данное толкование, предложенное Дюмезилем, мы считаем теперь более предпочтительным, чем возведение ævdīw к *avd-dīw «семь богов» (ИЭС I 199—200).

в этой функции употреблялась приставка *duž-*, имеющая соответствия и в других индоевропейских языках: авест. *duž-anhu-* «ад» («дурное существование») = осет. *jud-ænzæ* «немилость», авест. *duž-manah-*, перс. *dušman*, греч. *δυσμενής* «враждебный, враг» и др.

Но в двух старых композитах и осетинский удержал иран. *duž-*: *duž-ġun* | *duž-ġun* «потрепаный» из **duž-gauna-* «дурной шерсти» (для второй части ср. осет. *qoyn* | *ġun* «шерсть», авест. *gaona-* «масть») и из тех же компонентов, но в обратном порядке *qoyn-t'uz* | *ġun-t'uz* «хмурый, взъерошенный» (*t'* вм. *d* — экспрессивное). Инверсия, при которой *duž-* оказывается во второй части композита, в древнеиранском не отмечена.

*fatyk «птица»

Распознается в *zær-vatykk* | *zær-batukka* «ласточка» из **zara-rafūka-*. Ср. для второй части и.-е. базу **pet-* «летать» (Роконгу 825—826). В первой части, возможно, иранская база **zar-* «петь», осет. *zaryn*. Обычное слово для птицы в осетинском — *marġ*.

*kæp «конопля»

В живом языке в самостоятельном употреблении бытует более поздняя форма с озвончением начального согласного: *ġæp* «конопля». Старая форма *kæp законсервировалась в слове *kættag* «полотно» из *kæp-tag. Ср. другие слова с *-tag* во второй части: *zældag* «шелк» из *zæl-tag, *xijæp-dag* «дратва» из *xijæp* («швейная») *tag* («нитка»). Слово *tag* в значении «нить» употребляется и самостоятельно. В ряде языков древнее название конопли **kana-* осложнено добавочным элементом с губным согласным: греч. *καπνῶσις*, лат. *cannabis*, русск. *конопля*, нем. *Hanf* и др. Осет. *kæp говорит в пользу того, что в скифском бытовала простая форма **kana-* (отсюда марийск. *kehe*). Сван. *kān* и абх. *a-konə* идут из аланского.

¹*kær «рука»

Распознается в *kælmærzæp* «платок» из *kær-mærzæp* «утиральник (*mærzæp* от *mærzyp* „утирать“) для рук (*kær*)». *r* → *l* закономерно по диссимилиации плавных. Ср. др.-инд. *kara-* «рука» от базы *kar-* «делать». Параллельно употребительны в осет. *k'ūx-mærzæp*, *k'ūxtæ-mærzæp* «платок-утиральник» (*k'ūx*, *k'ūxtæ* «рука, руки»). По дифференциации значений *kælmærzæp* в современном языке применяется к головному платку. В самостоятельном употреблении имеем *k'ūx*, *arm* «рука».

²*kær «ячмень»

Древнеиранское *yava-* «ячмень» закрепилось в осет. за просом (*ġæw*). Ячмень стал называться описательно *qæbæġ xor* «твердый злак». Но в прошлом для ячменя было в употреблении слово *kær*. Оно распознается в *kærvæz* «вид ячменя» из *kær-fæz, где *fæz* сближается с др.-инд. *raj-ga-* «твердый», греч. *πίτυον* «делать твердым, уплотнять», *πίτυς* «крепкий» (ср. выше «твердый злак»). От *kærvæz* образовано в свою очередь *kærvæzæġ* «глазной ячмень». *kær «ячмень» присутствует также в осет. *kær-zyp* «хлеб ячменный или кукурузный» (в отличие от пшеничного *zūl*). Поскольку кукуруза появилась на Кавказе сравнительно недавно, речь шла первоначально о ячменном хлебе, и *kærzyp* означало просто «ячменный» (*-zyp* — образующий прилагательные формант). Слово *kær* идет, видимо, из кавказского субстрата; ср. груз. *keri*, арм. *gari*, абх. *a-k'ar* «ячмень».

*mīn «гость»(?)

Распознается в *mīn-as* «угощение», собственно «еда (*as*) для гостя (*mīn*), *Gastmahl*», см. выше **a:* (заметим, что и русск. *угощение* образовано от *гость*). *Mīn* возводится закономерно к *maidna-* от **maid-* «пробывать

в гостях», с другим формантом перс. *mihman* «гость» из *maidman-* и пр. (ИЭС II 119—120). — В значении «гость» в современном языке употребляется слово *wazæg*. Оно означает собственно «путник» (от базы *waz-* «ехать»).

*minæ «полномочие, авторитет»

Распознается в *mīnæ-var* «посол, посланник; лицо, облеченное полномочиями для ведения переговоров между двумя сторонами, например, на войне, при примирении кровников, при сватовстве и пр.». Возводится к **mainya-bāra-* «носитель (*bāra-*) полномочий (*mainya-*)». Ср. для первой части др.-инд. *māna-* «уважение, почет», которым пользуется человек среди сограждан, *mānya-* «чтимый». Сложение в целом находим в согд. **mīnāvar-* (*myn'βr*) «полномочный, облеченный властью, авторитетом», др.-перс. (в эламской передаче) *Manuaparra* собств. имя. Вторая часть *-var* (и. -е. база **bher-*, русск. *беру*, лат. *fero* и пр.) налична и в осет. *læ-var* «подарок» из **fra-bāra-*, ср. греч. *проферю* «подносить», лат. *pro-fero* «выносить». По образованию и по второй части осет. *mīnævar* сопоставимо, например, с лат. *signifer* «знаменосец, предводитель» и т. п.

*næw «девять»

В современном осетинском «девять» — *farast*, что буквально значит «за (*far* из *para*) восемью (*ast*)». Но в *nū-dæx* | *næw-dæx* «девятнадцать» сохраняется старое общиндоевропейское слово для девяти *nau* (в стяжении — *nū*). Ср. перс. *nuh*, авест. *nava*, нем. *neun*, кельт. (кимрское) *naw*, (брет.) *nao*, лат. *novem* и пр. Др.-иран. *nawati «девяносто» также сохранилось в дигорском пастушеском счете в закономерной форме *næwæz*.

*raf «разорение, грабеж»

Распознается в *rawwat* из *raf-wat «бедственное положение, разруха, разорение». *Wat* во второй части сложных слов означает «место, положение»; *rox-wat* «забвение» от *rox* «забытый», *xæzar-wat* «место, где был дом (*xæzar*), руины» и т. п. Стало быть, *raf-wat — «разоренное положение» (как результат грабежа, расхищения). Ср. др.-инд. *garas-* «повреждение». Ближе по значению лат. *rapio* «хватать, отнимать силой, похищать», *rapio* «грабить», *raptum* «грабеж», нем. *raffen* «схватывать, уносить». — Сюда же осет. *ryn* | *run* «эпидемия, мор» из **rafna-*.

*gæt «плечо, рука»

Распознается в *gæt-byu* «локоть (анатом.)». *Byu* во второй части сложных слов — да и самостоятельно — означает «низ». Стало быть, *gæt-byu* можно перевести приблизительно «подплечье». *Ræt* представляет вариацию живого слова *art* «рука» и стоит в ближайшем родстве к ст.-слав. *rato* «плечо». Древний апофонический вариант этой же базы имеем в **rem-* в слав. *remeslo*, *remestvo*, букв. «ручная работа». Сюда же литов. *remėsas*, лтш. *remesis* «ремесленник». Основа *remes-* относится к *rem-*, как *nebes-* к *nebo*, *koles-* к *kolo* и т. п. Русск. (диал.) *рукомесло* представляет как бы перевод с др.-русского — несколько неуклюжий, но подтверждающий, что в слове *ремесло* всегда чувствовалась «рука».

*rætæ «повозка, арба»

Распознается в слове *rætæn-aġd* «оглобля», собственно «ляжка (*aġd*) арбы (*rætæ*)». Ср. авест. *raθa-*, др.-инд. *ratha-* «повозка», литов. *ratas*, лтш. *rats* «колесо», др.-в.-нем. *rad*, нем. *Rad* «колесо», лат. *rota* «колесо». Согласный *-n-* в осет. *rætæn-aġd* либо вставной, для избежания зияния, либо предполагает исходную форму **radana-*, вполне реальную для древнеиранского рядом с *raθa-*. — В современном осетинском арба зовется *wærdon*, что в прошлом означало «колесо», от базы **wart-* «вертеть(ся)».

*sag «развилина», см. выше 1*æx

*sī|se «сирый, сирота»

Распознается в *sīzæŕ* | *sezæŕ* «сирота», букв. «живущий (*zæŕ*) из *sæŕ* от *sæŕun* „жить“ в сирости (*sī* | *se*). Ср. авест. *sae-* «сирый», курд. *sīwī*, афг. *siya*, парф., пехл. *sēwag*, др.-инд. *śayu-*, *śyeta-* «сирота». За пределами индоиранского — ст.-слав. *sirъ*, русск. *сирый*, *сирота* литов. *šeirýs* «вдовый». Важная арио-славо-балтийская изоглосса. По ступени огласовки и по форманту авест. *sae-* относится к слав. *sirŭ как, скажем, авест. *taeŕa-* к авест. *tiŕa-* «острый».

*tong «ремень»

В значении «ремень» в осетинском и самостоятельно, и в некоторых сложениях бытует общеупотребительное слово *gærz*. Но в двух композициях притаилось другое, забытое слово с тем же значением, *tong*: *æx-tong* «подпруга» и *dum-ī-tong* | *dum-e-tong* «подхвостный ремень в сбруе». *Æx-tong* означает собственно «скрепляющий (*æx*) ремень», см. выше 2*æx. *Dum-ī-tong* | *dum-e-tong* разлагается на *dum* | *dum* «хвост», *tong* «ремень» и соединительный гласный *-ī-* | *-e-*. Слово *tong* имеет надежные соответствия. Ср. перс. *tang* «подпруга» от **tang-* (авест. *θanj-*) «тянуть», русск. *тяга* (из *tenga), *тяж* id. Сюда же осет. *tynzɯn* | *itinzɯn* «растягивать, расгибать».

*uba «оба», см. ниже *zæstæ, *zæstæ «рука»

*xæŕ «серый»

Вытеснено позднейшим *c'æx* кавказского происхождения. Распознается в старых сложениях *xæŕis* | *xæŕwes* «ива, *Salix*», букв. «серая (*xæŕ*) лоза (*wis* | *wes*)» и в дигор. *xæŕæmeġæ* «густой туман», букв. «серая (*xæŕæ*) туча (*meġæ*)». Вторая часть слова *xæŕ-is* | *xæŕ-wes* бытует самостоятельно: *wis* | *wes*, «прут, хворостина, лоза», восходит к др.-иран. **waiša-* и стоит в ближайшем родстве со слав. *věcha*, русск. *веха*, норв. *veis* «стебель» и пр. В *xæŕæ-meġæ* вторая часть также живое слово в значении «туча». В иронском диалекте говорят *c'æx mġ* «серая туча» вм. дигор. *xæŕæ-meġæ*, чем лишний раз подтверждается значение «серый» для *xæŕ(æ)*.

Иран. **xaga-*, осет. *xæŕ* «серый» сопоставимо с др.-инд. *khaga-* в *khaga-varṅa-* «темного цвета», хинди *xæŕ* «серый», сак. *khara-* «мрачный», чеш. *chory*, польск. *chory* «темный» (о муке, хлебе), др.-сев. *hār* англосакс. *hār* «серый, седой», англ. *hoar* «седой». Сюда же русск. *серый*, польск. *szary* (из **xoīro-*).

От *xæŕ «серый» неотделимо также осет. *xæŕæŕg* (др.-иран. *xaga-*) «осел»; животное названо по цвету.

*xos' | «сверковь», | см. выше *dyġd «дочь»

*xsīd | *xsed* «сияние»

Сохранилось в сложениях *sæwæxsīd* «утренняя заря» (*sæw* «утро») и *izæŕæxsīd* «вечерняя заря» (*izæŕ* «вечер»). Восходит к др.-иран. **xšaita-* «сияние, сияющий». Ср. авест. *xšaeta-* «сияющий, лучезарный», эпитет солнца, некоторых божеств, героя золотого века Йимы (*Yima-xšaeta-*).

*xoyt | *xum* | «сома»

Это слово закономерно восходит к др.-иран. *hauma-* — название растения и изготавливаемого из него священного хмельного напитка, др.-инд. *soma-*.

Распознается в *xim-ællæg* «арийский хом» (*ællæg* закономерно из **aryaka-* «арийский»). Параллельно существовала, видимо, форма *ximæl*, без форманта *æg* (*-aka*). Отсюда — из скифо-сарматского — слав. **ximel'*, русск. *хмель* и другие европейские названия хмеля.

*zæl «шелк»

В сложных словах *zældag* «шелк», *kættag* «полотно», *xoɟjændag* «дратва» вторым компонентом является живое слово *tag* «нить». Слова *kættag* и *xoɟjændag* мы уже разобрали выше, под словом *kæn. Что касается *zældag* (из *zæl-tag*), то можно утверждать, что первая часть, *zæl*, сама по себе уже значила «шелк, шелковый». В наших текстовых записях встречается выражение *zæly kælmærzæn* «шелковый платок» (о слове *kælmærzæn* см. выше под *kær). В дигорском диалекте *i-zælu* само означает «шелковый платок». Остается выяснить происхождение элемента *zæl*. От сближения с группой: церк.-слав. *šelkъ*, русск. *шелк*, среднеангл. *selk*, англ. *silk* и пр., несмотря на некоторое созвучие, придется отказаться: переход *s* → *z*, исчезновение *-k* неправдоподобны. По свидетельству Марко Поло, шелк в одном из среднеазиатских языков (каком?) назывался *žell*. Это — идеальное соответствие для осет. *zæl*, но еще не этимология. З. Б. Мухамедова в статье «Сбруа и украшения туркменского коня» сообщает, что в туркменском языке «праздничный наряд» коня, изготавливаемый из атласа и парчи, назывался *žül* [см. 4]. Быть может, это слово следует связать с *žell* Марко Поло и возвести к общетюркской базе *jäl*-«блестеть»: шелк = «блестящая ткань»? [5].

*zæг «зеленый, зелень, трава»

Выше мы восстановили для осетинского слово *zæг «серый», вытесненное субстратным *c'æx*. При этом последнее слово стало обозначать также «голубой, синий, зеленый», как это имеет место и в некоторых кавказских языках. Между тем можно утверждать, что в прошлом в осетинском четко различались цвета: *zæг «серый», *æxsin «темно-серый, синий» из др.-иран. *axšaina-*, греч. (из иран.) *ἄξιμος* в названии Черного моря Πόντος *ἄξιμος* (сохранилось в осет. *æxsinæg* «голубь») и *zæг «зеленый». Таким образом, с появлением слова *c'æx* гамма цветовых обозначений в осетинском заметно обеднела.

Элемент *zæг «зеленый, зелень, трава» распознается в *zærxæston* «пахотная земля, оставшаяся незасеянной и заросшая травой», букв. «место (*ston* из др.-иран. *stāna-*), поросшее травой (*zæг*)». Далее — в *zæridaw* «покосный участок, оставшийся нескошенным до следующего лета». Здесь в первой части имеем *zæг*, во второй — *daw* из *taw* «отава» (ср. слав. *otava, русск. *отава* и пр.: ИЭС III 237—238), и соединительный гласный *-i-*. Стало быть, *zæridaw* означает «зеленая отава» или «зелень-отава». Наконец, в дигорском диалекте имеем *zældæ* «трава» из иран. *zarita-*, чтошний раз подтверждает, что в осет. существовала база *zæг* «зеленый» и пр. Этимологически она неотделима от и.-е. **ǵhel-* «зеленый» и пр. Ср. авест. *zairi-* (в первой части сложных слов) «желтый», *zairita-* id., церк.-слав. *zelije*, русск. *зеле, зеленый*, литов. *žālias* «зеленый» и пр.

*zæstæ, *zæstæ «рука»

Любопытное слово сохранилось в дигорском диалекте осетинского языка: *xubezæstæ* «пригоршня». Оно возводится (с протетическим *x-*) к *ubai-zastā «обе руки». Примечательно то, что оба компонента, хорошо известные в родственных языках, в осетинском ни самостоятельно, ни в других композитах нигде больше не встречаются. Для первой части ср. авест. *uva*, ж. р. *ube*, др.-инд. *ubha*, *ubhau*, ж. р. *ubhe*, ст.-слав. *оба*, русск. *оба, обе*, лат. *ambo* и пр. Для второй части (*zæstæ*) ср. авест. *zasta-*, др.-перс. *dasta-*, перс. *dast* «рука», др.-инд. *hasta-* «рука; хобот» (обычно муж. рода, но встречается и жен. род), литов. *pa-žastis* «подмышка».

Весь приведенный выше материал преследует одну цель: показать, насколько «темные» сложные слова бывают интересны и важны для истории языка, для исторической лексикологии и этимологии. Труд, затраченный на их «дешифровку», полностью себя оправдывает.

Особо следует остановиться на тех случаях, когда старые иранские слова лишь частично вытеснены эквивалентами из субстрата. Их не надо реконструировать. Они — живые и даются без «звездочки». От забвения их спасло то, что они удержались не только в сложных словах, но и в устойчивых сочетаниях, идиомах, фразеологизмах, пословицах, поговорках. В результате в языке возникли синонимические или полусинонимические пары:

arm — *k'ux* | *k'ox* «рука»

fad — *k'ax* «нога»

kom — *зyx* «рот».

В левом столбце — иранские слова, в правом — субстратные.

Arm «рука» = авест. *arəta-*, др.-инд. *ir̥ta-*, нем. *Arm* и пр.; *fad* «нога» = авест. *rāδ-*, др.-инд. *rāda-*, греч. лоб-, лат. *ped-* и пр.; *kom* «рот» восходит к др.-иран. **kahman-*, ср. перс. *kām* «нёбо; пасть», вахан. *kom* «нёбо» и пр.

K'ux «рука» сближается с чечен. *kiʒ* «рука», *k'ax* «нога» сближается с акуш. (Дагестан) *kaχ*, чечен. *kog* «нога»; *зyx* «рот» сопоставимо с кабард. *žeh* «рот», чечен., ингуш. *ž'ok*, *zok* «клюв».

По первому впечатлению их взаимоотношение сопоставимо с отношением между такими синонимами в русском, как:

длань — *рука*

перст (ср. *перстень*, *наперсток*, *перчатка*) — *палец*

чело (ср. *бить челом*, *челобитная*) — *лоб*

око (ср. *очный*, *заочный*, *очевидный*, *окно*) — *глаз*

ланица — *щека*

уста (ср. *устный*, *наизусть*, *златоуст*) — *рот*.

Но это сходство обманчиво. Церковнославянизмы левого столбца имеют специфическую стилистическую окраску. Не зря они снабжаются в словарях пометами: «устар.», «книжн.», «поэт.», «ритор». В осетинском синонимы обоих столбцов стилистически нейтральны. Они различаются не стилиевым использованием, а устоявшимся распределением и сочетаемостью.

Остановимся подробнее на каждой из приведенных выше осетинских синонимических пар (первый термин — иранский, второй — субстратный).

arm — *k'ux* | *k'ox* «рука»

Arm в сложных словах: *ærmg·yroj* «ручная мельница» (во 2-й части *k·yroj* «мельница»); *ærmæftaw* «сума» = «накинутое (*æftaw* от глагола *æftawyn*) на руку (*arm*)»; *ælmærin* «локоть» из *ærm-ærin* (мера длины), см. выше **ærin*; *ærxūd* «рукавица» из *ærm-xūd* «папка (*xūd*) руки»; *ærmk'ux* id. («рука руки»); *ældar* «господин, князь» из **ærm-dar* «руководитель», ср. сарматские личные имена из Танаиды: 'Ардаро; (встречается около 20 раз), 'Ардарохос; 'Ардарисхос; *armyzaġ* «горсть» = «полная (*zaġ*) рука»; *armyt' æræn* «ладонь» = «плоскость (*t' æræn*) руки»; *ærmæræxst* «искусный (*æræxst*) в работе руками»; *ærmæx·yr* «прирученный» (о животных) = «приученный (*ax·yr*) к руке»; *ærmgūsæġ* «ремесленник» из *ærm-kūsæġ* от *kūsyn* «работать», *ærmūdūltæ* «измятый, изуродованный» из *ærm-tūltæ* от *tūlyn* «катать, скатывать»; *ærmævdūlæn* «раскатывание теста между ладонями»; *ærmirmi* «с рук на руки»; *æmarmæġ* «дружно, совместно» из иран. **ham-arma-*; *ævdasarm* «часть туши» из *æd-fars-arm* «передняя нога (*arm*) с боком (*æd fars*)»; *zagrarmæġ* «с полными руками»; *aftidarmæġ* «с пустыми руками»; *dælarm* «подмышка» = «под рукой».

Древний этноним *Σαυρομάται* «сарматы» (Геродот), возможно, = осет. *saw-ærm-a-tæ* «смуглорукие» (*saw* «черный, смуглый»).

Arm в устойчивых сочетаниях: *armæj ævnaɫyn* «трогать руками»; *armæj qazyn* «баловаться руками» (*armæj ta qaz!* «не балуйся руками!» — обращение к детям); *arm daryn* «покровительствовать» = «держатъ руку»; дигор. *armi æftuɫyn* «попадать в руки, даваться, удаваться»; *army sæwɫyn* «вмещаться в руку».

Слово *arm* функционирует и самостоятельно, но в более узком и ограниченном употреблении; словари дают «кисть руки». Несомненно, однако, что это — явление позднейшее, результат того, что субстратное *k'ix* сильно потеснило семантическое поле иран. *arm*. В переводе евангелия Ялгузидзе (начало XIX в.) встречается *ærdæx* «руки» (Матфей 27.24) из *ærm-tæ*, а не *k'ix-tæ*. Сложные слова и устойчивые сочетания, удержавшиеся от далекого прошлого, позволяют утверждать с уверенностью, что *arm* означало не только кисть руки (франц. *main*), но и всю руку (франц. *bras*). Достаточно указать на *dælar* «подмышка». Более того, передняя нога четвероногих тоже называлась *arm*. Ср. *ævdasarm* из **æd-fars-arm* «передняя нога туши вместе с боком». О лошади говорят *armassagæj sæwɫy* «бьет передними ногами».

Но и этого мало: *arm* означало также «оглобля». С отпадением конечного *-m* дигорский диалект сохранил это значение по сей день: *ar* «оглобля». В иронском имеем другое — тоже весьма древнее *rætænagd* «оглобля» (см. выше **rætæ*). Но ирон. *ærmbo* «гужовка, повязь (*bo*) оглобли (*ærm*)» свидетельствует, что значение «оглобля» было общесеотинским.

Субстратное *k'ix* | *k'ox*, как мы отмечали, почти полностью вытеснило *arm* в самостоятельном употреблении. Но оно оказалось бессильным вытеснить *arm* из сложных слов и устойчивых сочетаний. Известны всего, кажется, два сложных слова с участием *k'ix*: *k'ixdaræn* «перстень» = «носимое (*daræn*) на пальце (*k'ix*)»³, и *k'ixɫæxææg* «шафер» = «держачий (*xæxæg*) за руку (*K'ixɫy*) (невесту)»; ср. по значению и образованию др.-инд. *karagraha-*, *karagrahana-* «das Erfassen (*graha-*) der Hand (*kara-*) insbes. der Braut bei der Hochzeit».

fad — *k'ax* нога»

Fad в сложных словах: *fadat* «возможность» из **fad-wat* «место (*wat*) для ноги»; *fadzū* «ход шагом» (аллюр лошади) из *fad-cū*, где *cū* — от *sæwɫyn* «идти»; *cyppærvadygæj* «галопом» (аллюр лошади), букв. «в четыре (*cyppar*) ноги (*fadygæj*)»; *fadniz* «ящур, болезнь (*niz*) ног»; *fadqūl* «лодыжка, бабка (*qūl*) ноги»; **fadtavæn* «подстилка из сухой травы в чувяках», сохранилось в балкарском языке в форме *fadavan*, усвоено из осетинского; *fadxos* «подстилка из сена (*xos*) в горской обуви»; *wælfad* «подъем ноги» (**upari-pādam*); *dælfad* (**adari-pādam*) в форме *dælfædtæt* «в ногах», в *dælfadbo* «штрипка ноговиц, брюк, повязка (*bo*) под ногой (*dælfad*)»; *bæggævvad* «босоногий» = **maɫna-pāda-*; *ræwvad* «быстроногий» из *ræw-fad*, в первой части — *ræw* «легкий», *fælmænvad* «слабого, нетвердого характера», букв. «мягконогий»; *qæbærvad* «крепконогий»; *sæxfad* «подкова» из *sæg-fad* «кольцо (*sæg*) ноги»; *særfad* «толковые, умелые действия, должный распорядок», букв. «голова (*sær*)-нога» = «уменье связать начало с концом».

Fad в устойчивом сочетании: о мертвецки пьяном говорят *jæ sær*, *jæ fad nal æmbary* «он уже не чувствует своей ни головы, ни ноги»; этот фразеологизм перекликается со сложным словом *særfad* «толк» (см. выше).

Как видим, иран. *fad* входит во множество сложных слов, причем большинство их настолько прозрачно, что значение «нога» легко установить и без специальных этимологических изысканий.

³ Не значит ли это, что обычай носить перстень появился у предков осетин только в кавказский период их истории?

Субстратное *k'ax* господствует вне сложных слов как обычное название ноги. Лишь в нескольких случаях мы находим его в составе сложных слов: *k'axvændag* «тропинка» = «дорога» (*vændag*) для ноги; *dyk'axug* «двуногий», *xertyk'axug* «треногий», *cyrrærk'axug* «четвероногий» (ср. выше *cyrrærvadyg* «галоп») и некот. др.

кот — *зух* «рот»

Кот в сложных словах: *komaryng* «нёбо» = «корыто (*aryng*) рта»; *komyk'ül* «внутренняя поверхность щек» (*k'ül* «стена»); *komudon* «слюна, вода (*don*) рта»; *komzag* «кус, полный рот»; *komytæf* «дыхание, воздух, выходящий изо рта» (*tæf* «дух»); *komaxsæn* «праздник заговенья или масленицы» (по Всеволоду Миллеру, «оберегание рта», хотя глагол *axsyn* означает собственно «схватывать» [см. 71]); *kombæddæn* «начало великого поста», букв. «завязывание (*bæddæn* от *bæddyn* „вязать“) рта», *kwazæp|kow-wazæp* «разговенье, пасха из *kom-wazæp*, букв. «освобождение (*wazæp* от *wazyn* „отпускать, освобождать“) рта»; *komzog* «доказчик» (лицо, уличающее кого-л.), «идущий (*zog* из *sæwæg* от *sæwun* „идти“) с (уличающим) словом („ртом“), *komxæliw* «с разинутым (*xæliw*) ртом»; *komkottæ* «напротив» («ртом ко рту»); *xngom* «вплотную» (**ham-kahman-*); *wælgomtæ* «вверх лицом» («ртом»); *dælgomtæ* «вниз лицом»; *kombos* «шнур для перевязывания мешка»; *sæskom* «лицо» из *sæst-kom* «глаз-рот», *xgomug* «немой» из *x-kom-ug* «безустый»; *nælgofmag* «человек мужского пола, мужчина» из *næl-kom-ag* «мужеустый»; *sylgomatag* «женщина» из *sy-l-kom-ag* «женоустая» и некот. др.

Кот в устойчивых сочетаниях, идиомах, формулах, поговорках: *kom iwazyn* «зевать» («растягивать рот»), *kottæ kæsyn* «быть послушным», букв. «смотреть в рот»; *kom daryn* «поститься» («держат рот»); *galy komu syf* «листочек в пасти быка», т. е. мизерная доза чего-л.; *zyng* *zægyngæf kom næ sūzu* «от того, что скажешь „огонь“, рот не обжигается» (поговорка); Дигор. *kalmi kotæj xæfsæ bajston, mæxe kotæj mistæ rajston. . . gali komi sifæ tajuf, gogi komi sænxæ tajuf* «изо рта змеи отнял лягушку, из своего рта достал мышь . . . во рту быка тает лист, во рту коровы тает соль» (из формул заговора против сглаза скота) [см. 8].

И здесь, как в случае с *arm* «рука» и *fad* «нога», субстратное слово не смогло вытеснить иранское из старых словосложений и устойчивых сочетаний. Само *зух*, ставшее обычным наименованием рта, редко встречается в сложных словах: *xæliwzyx* «разиня, ротозей» (ср. выше *komxæliw*), *fudzyx* «сквернослов, дурноустый», *milzyx* «с темными усиками» (о молодом человеке), «с пятном (*mil*) на рту», *zulzyx* «натянутые отношения», букв. «косоустые» (отношения) (*zül* «косой, кривой»).

Как видно из нашего материала, в иранском фонде осетинского языка были фиксонные и широко употребительные наименования для руки, ноги и рта: *arm*, *fad*, *кот*. Как же случилось, что они уступили место иноязычным элементам? Такие важные и насыщенные анатомические наименования относятся к самому ядру основного лексического фонда. За редкими исключениями, это ядро непроницаемо для внешних заимствований. Иное дело — субстрат. Субстрат связан с процессом этногенеза, и он налагает отпечаток на всю этническую культуру народа, включая язык. Для него нет непроницаемых сфер в лексике. Заимствования несут никакой этногенетической информации. Они говорят лишь о внешних отношениях с другими народами и языками. Осетинские *k'ux* «рука», *k'ax* «нога» и *зух* «рот» тем и примечательны, что они не подпадают под рубрику «заимствований». Они свидетельствуют о глубоком и интимном взаимодействии с кавказским этническим и языковым миром, взаимодействии, в котором кавказская почва сыграла роль субстрата. Лексические факты, с которыми мы познакомились, вместе с другими языковыми и неязыковыми (археологическими, антропологическими, этнографическими) показаниями согласно рисуют картину становления современной осетинской народ-

ности: осетины как этнос, сохраняя свою иранскую, скажем точнее — скифо-сарматскую основу, во взаимодействии с народами Кавказа завершили свою этногенетическую историю. Совершенно также в Передней Азии и на Кавказе завершил свою этногенетическую историю другой индо-европейский народ: армяне.

ЛИТЕРАТУРА

1. В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания. София, 1980, с. 107.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979.
3. Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979, p. 141.
4. Mémoires de la société finno-ougrienne, 1976, v. 158 («Altaica»), p. 193.
5. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969, S. 181.
6. Böhtlingk O. Sanskrit Wörterbuch. St. Petersburg, 1881, II. S. 21.
7. Миллер В. Осетинские этюды. Вып. 2. М., 1882, с. 272.
8. Памятники народного творчества осетин. Вып. II. Владикавказ, 1927, с. 172.